

Роман Пустослов

Воин рабочей недели

«Автор»

2026

Пустослов Р.

Воин рабочей недели / Р. Пустослов — «Автор», 2026

Продолжение романа «Воин выходного дня», второй роман из цикла «Воин».
Невероятные приключения Олега продолжаются на рабочей неделе.

© Пустослов Р., 2026

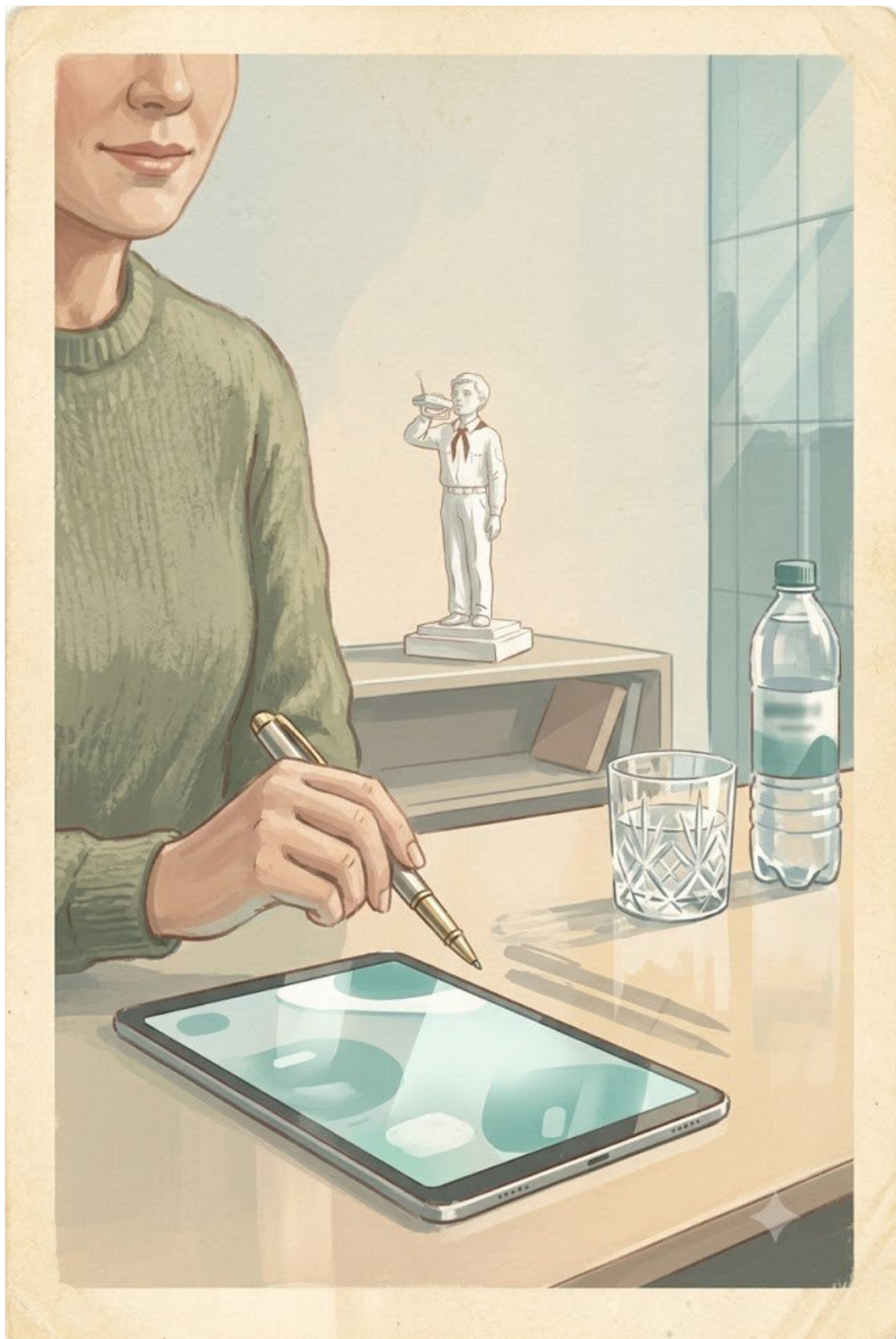
© Автор, 2026

Содержание

Оффер	6
Понедельник	10
Вторник	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Пустослов Воин рабочей недели

Оффер

Ту, первую историю — про два дня в Подмоскowie — я в конце концов записал, и даже дал почитать одному человеку, и человек сказал: «Красиво врѣшь». Я обиделся, а потом подумал, что это, в общем-то, диагноз профессии, и успокоился. Эту вторую историю я записываю с большей лёгкостью, потому что заранее знаю, кем выйду. В первой я был дурак, который проснулся. Во второй я дурак, который проснулся, осмотрелся, решил, что теперь-то всё понял, — и снова лёг. Только в этот раз я лёг с открытыми глазами и был уверен, что бодрствую.

Год прошёл хорошо. Я даже не знаю, как описать это «хорошо», чтобы оно не прозвучало как некролог. Звонил Соне и приезжал. Не каждые выходные, но приезжал, и это было больше, чем раньше, и я этим гордился — тихо, для себя, как гордятся тем, что бросили курить, нет-нет да и сообщая об этом окружающим. Мы ходили на каток. Соня каталась, я держался за бортик и изображал человека, который вот-вот поедет, просто пока выбирает направление. Зуб у неё к тому времени выпал, вырос новый, она перестала прищёлкивать на «с», и я понял, что пропустил тот месяц, когда это случилось, и больше про это не думал.

А слова я писал прежние. «Тепло, которое помнит». Это про батареи, кажется. Или про творог. «Здесь начинается ты» — про фитнес. Год назад, на той самой электричке, мне казалось, что я больше не смогу писать это всерьѣз, что во мне что-то сломалось в нужную сторону. Оказалось, во мне это не сломалось — наоборот, починилось ещё лучше прежнего. Я возвращался к слогану, как возвращается к роялю человек, который думал, что разучился, садится — а руки помнят, и помнят даже лучше, потому что больше не мешает страх. Снижение важности, которому меня научил хромой старик с папиросой, я очень удачно приспособил к написанию рекламы творага. Меня перестало это мучить. Знающие люди называют такое состояние «дзен». Я теперь думаю, что у него есть и другое название.

Браслет всё так же лежал в кармане пиджака. Синий через белый, секретный узел. Я его не выбросил — я не из тех, кто выбрасывает. Но я и не доставал его, кажется, с прошлой зимы. Он переезжал из пиджака в пиджак при смене сезона, как переезжает с дачи на дачу банка с гвоздями, которая зачем-то нужна, хотя ни разу не пригодилась. Иногда рука в кармане наткалась на резинку, и я думал: а, это браслет, — тем тоном, каким думают «а, это вторник».

Алёна позвонила в ноябре. Тот же голос — спокойный, тёплый, чуть смазанный по краям, как будто его держат в ладонях, чтобы не остыл. Я его узнал сразу, до имени. За год до того этот голос продал мне триста тысяч ощущений и не дал испугаться. Я тогда стоял на платформе и смотрел, как уходит по шпалам совсем другой человек, а этот голос в это время уже грузил коробки и считал нал. Казалось бы, такому голосу не звонят. Но он позвонил, и первое, что я почувствовал, — не злость. Любопытство. И, стыдно сказать, что-то вроде гордости: меня нашли.

— Олег, — сказал голос так, будто мы расстались вчера и расстались друзьями. — Я давно про вас думаю. Вы ведь были там.

«Там». Я мог бы спросить — где. Но мы оба знали, где, и оба знали, что знаем, и в этом «там» уже содержался весь договор, который я подпишу через десять минут, просто я ещё не дочитал.

Мы встретились в кофейне со стеклянной стеной и растениями, которые на ощупь оказались живыми, что меня почему-то слегка разочаровало. Алёна была не такая, как голос. Голос я представлял мягким, а она была вся собранная, аккуратная, с тем спокойствием, какое даёт полный контроль над каждым лишним движением. Воротник блузки она поправила один раз — едва, двумя пальцами, — и больше он её не беспокоил. Передо мной поставили кофе, которого я не просил, и я его выпил, потому что отказаться было бы поступком.

Она не уговаривала. Это я отметил сразу, как профессионал отмечает чужую работу. Она раскладывала — спокойно, по порядку, как раскладывают пасьянс, который уже сошёлся, просто из вежливости показывают тебе ход.

— Мы выросли, — сказала она. — То, что было год назад, — это, честно говоря, кустарщина. Один человек, один бубен, два дня. Себестоимость не считали, ниши не понимали. — Она говорила «мы», хотя «нас» год назад не было — был хромой старик и она при ком-то. Но «мы» легло так естественно, что поправлять было некого. — Сейчас другой рынок. Сейчас платит не уставший разведёнка с листовки. Платит компания. У компании есть выгорание, текучка, и есть бюджет на то, чтобы это назвать иначе.

И она положила на стол — не листовку, а тонкую папку, и в папке был уже не орёл на вершине — спокойная сетка, серое на белом, и логотип, в котором угадывался не то костёр, не то ладонь. Сверху шло название, и от этого названия у меня внутри что-то коротко дёрнулось и тут же затихло, как затихает телефон в кармане, когда сбрасываешь звонок, не глядя кто.

ВОИН РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ

Ниже, шрифтом поскромнее: *Корпоративная программа управляемой осознанности. Дезэскалация приоритетов. Ретроспектива личного бэклога. Decision Cube™ как сервис.* И ещё ниже, по-английски, чтобы дороже: *Honesty as a service.*

Я перечитал. Профессиональная часть меня, та самая, что двадцать лет провела на передовой обмана населения, опять сняла шляпу, и в этот раз сняла её глубже, чуть ли не до пола. Год назад было гениально продать одному человеку триста тысяч ощущений. Но продать целому отделу осознанность, выставить за неё счёт с НДС и назвать честность сервисом — это был уже не бубен. Это была архитектура. Я смотрел на «Honesty as a service» и думал: кто-то ведь это написал. Кто-то сидел, как я сижу над творогом, и подбирал, и нашёл. И я почувствовал к этому кому-то профессиональную нежность, ещё не зная, что меня сейчас позовут им статью.

— Мне нужно лицо, — сказала Алёна просто. — Ведущий. Тот, кто встанет перед группой и в кого они поверят. У меня есть тренеры — они умеют по бумажке. Но по бумажке не верят. Верят тому, кто был там. — Опять «там». — Вы были. Вы прошли это на себе и вышли — посмотрите, какой вы. Спокойный. Не дёргаетесь. И — главное — вы умеете в слова. Это редко вместе: пережить и уметь сказать. Обычно или одно, или другое.

Вот здесь меня и купили. Не цифрой — её она назвала позже, между прочим, тем же тоном, что и про живые растения, и цифра была хорошая, и я ей не удивился, потому что внутри уже всё решилось до цифры. Купили меня тем, что год я ходил разведённым копирайтером, который держится за бортик катка, — а тут пришёл человек и сказал: ты не разведёнка с листовки. Ты тот, кто прошёл и понял. Ты носитель. Я слушал и чувствовал, как выпрямляется спина. Я думал — и думал это совершенно искренне, вот что самое скверное, — что хромой старик не для того будил меня на той панцирной кровати, чтобы я писал про творог. Что во мне есть теперь это знание, и грех держать его в кармане, как браслет. Что я приду к этим уставшим людям в переговорах и принесу им — я честно подбирал тогда слово и подобрал именно это — не развод, а нечто. То, что мне дали год назад. Я не услышал, что дал мне это хромой старик, а приглашает Алёна, и что между этими двумя людьми ровно та разница, которую я тогда стоял и смотрел уходящей по шпалам.

— А он? — спросил я. Не назвал имени. — Геннадий Аркадьевич. Он в этом... участвует?

Алёна на секунду стала очень аккуратной — той аккуратностью, которая и есть ответ.

— Геннадия Аркадьевича давно никто не видел, — сказала она ровно. — Это была другая история, Олег. Хорошая, тёплая. Но она закончилась. Мы делаем новое. — И поправила воротник, второй раз за встречу, тем же касанием в два пальца, и я подумал — мельком, неважно, — что человек поправляет воротник, когда что-то прикрывает, а потом забыл про это думать, потому что она пододвинула ко мне договор.

Договор был на двух языках и приятный на ощупь. Я взял ручку. И тут со мной случилось то, чего я не делал, кажется, год — с той самой кухни, где монета закатилась под холодильник.

Я заколебался. Не над смыслом — смысл я и так не читал, и год назад платил, не дочитав, — а просто рука повисла. Где-то на дне меня, под выпрямленной спиной и принесённым людям нечто, шевельнулось что-то маленькое и неудобное, без слов, как шевелится в кармане резинка браслета, когда задеваешь её локтем.

Я не стал прислушиваться. Прислушиваться было бы важностью, а важность я снижать умею. Я даже улыбнулся этому своему колебанию — снисходительно, как улыбаются прежнему себе. И подписал. Внизу, где галочка, потом на второй странице, где ещё галочка, не перечитывая, ту строчку про сумму и ту, что мельче, — подписал, не глядя, точно так же, как год назад на кухне заплатил по карте ту цифру, которую неловко называть, потому что на неё можно было свозить Соню к морю.

Алёна забрала папку, выровняла листы о стол — тук, тук, ребром, — и сказала «Олег, я очень рада», и голос у неё был тёплый, и я ей поверил, и ни на секунду не подумал, что год назад этот же голос сказал мне точно так же, что я уже начал.

Понедельник

Платформа Сосновый Кордон состояла теперь из платформы, навеса с подсветкой и таблички, на которой кто-то заменил ржавое железо на пластик, а пластик уже расцарапали. «СОСНОВЫЙ КОРДОН · COWORKING RETREAT», белым по тёмно-зелёному, и под этим, помельче, QR-код, который вёл, я знал, на лендинг, который я же отчасти и написал. Снег лежал ровно, как простыня, которую заправлял аккуратный человек, — не такой, как я тридцать лет назад в пионерлагере. Я стоял с сумкой, ждал группу из микроавтобуса и думал, что

год назад на этом самом месте я стоял в дождь, мокрый, с открытым намерением и тремьями тысячами оплаченных безналом ощущений, и не знал ничего, и это, как теперь выяснилось, было лучшее, что я тогда умел.

За мной пришёл не дребезжащий «Газель», а чистый чёрный микроавтобус с тонировкой, в котором пахло кожей и кофе из термоса, и в этом запахе уже всё было сказано про разницу между прошлым годом и этим, только я слушал плохо, потому что говорил сам.

— Заезжаем, — сказал я в гарнитуру водителю и обернулся к салону. — Коллеги, две минуты, и мы на месте. Телефоны пока не убираем, всё в своё время.

Их было восемь — отдел, который Алёна продала как «команду на грани выгорания, готовую к перезагрузке». Руководитель, женщина лет сорока пяти с лицом, которое держали ботокс и квартальный план, сидела впереди и всю дорогу отвечала на письма большим пальцем, не поднимая глаз. Сзади двое продавцов помоложе негромко спорили, считается ли это командировкой и капают ли суточные. Парень в худи с логотипом их же компании спал, прислонившись к стеклу, и я посмотрел на него с симпатией, какую испытываешь к спящему в транспорте незнакомцу, не зная ещё, что это я смотрю в зеркало.

Ворота были те же. Арка осталась, но её перекрасили, и поверх «...АНАТОРИЙ "СОСН..."» теперь горела вывеска с тем же зелёным шрифтом, а одинокую звезду — я заметил — не стали сбивать, а аккуратно вписали в логотип, как вписывают в новый бизнес чужую могилу, если она хорошо смотрится. Лес расступился, и открылся он.

Главный корпус отмыли. Сталинские колонны стояли теперь не как старый актёр, забывший роль, а как актёр, которого позвали в рекламу и подкрасили: лепнину восстановили из чего-то лёгкого, фасад выкрасили в тёплый серый, который дизайнеры зовут «грифельным» и берут за него отдельно. На месте клумбы, заросшей год назад лебедой, лежал газон под снегом, ухоженный даже зимой, и посреди него стоял гипсовый горнист.

Я его узнал не сразу. Пионер был тот же — без одной руки, оттого казалось, что он не столько зовёт, сколько сдаётся, — но его покрасили в благородную бронзу, отчистили, поставили под подсветку, и в уцелевшей руке у него был теперь не горн. У него был, я подошёл и убедился, wi-fi-роутер. Кто-то всерьёз вложил гипсовому мальчику в кулак белую коробочку с антеннами, и мальчик держал её всё с тем же горнистским порывом, поднеся к губам, будто собирался в неё дунуть и поднять лагерь, — только труба молчала, а коробочка тихо моргала зелёным, раздавая на всю поляну гостевой интернет. Я стоял и смотрел на него дольше, чем собирался. Где-то под рёбрами шевельнулось что-то, чему я в тот момент не нашёл названия и не стал искать, потому что названия — это, как меня когда-то учили, важность, а важность мы тут как раз и снижаем.

Репродуктора на столбе не было. Вместо него из спрятанных в карнизе колонок шёл эмбиент — без слов, без петуха, без «вода, вода, кругом вода», ровный звуковой газон под газоном настоящим. Я почему-то вспомнил, что год назад тут хрипела песня про воду, хотя воды не было, и подумал, что теперь нет ни песни, ни воды, ни хрипа, и это, наверное, и есть прогресс.

— Какая атмосфера, — сказала руководительница, наконец оторвавшись от телефона. — Это что, настоящий советский санаторий?

— Аутентичный, — сказал я. — Мы сохранили дух места.

Дух места к этому времени лежал, я подозревал, где-то под газоном, аккуратно прижатый дёрном, как квитанция в стопке никогда.

Внутри пахло теперь кофе, свежей краской и чем-то цитрусовым из диффузора; известку, борщ и время отсюда вывели. Высокие потолки оставили, лестницу с выщербленными ступенями отшлифовали и положили подсветку под перила. Выцветшую мозаику, где мускулистые люди тянулись не то к солнцу, не то к плану по выработке, не закрасили — наоборот, подсветили и повесили рядом табличку «инсталляция», и теперь мускулистые люди тянулись к чему-то лучистому уже как искусство, за которое не стыдно перед иностранным инвестором. Ком-

наты, мне сказали, переделали в номера; панцирные кровати, я слышал, выкинули не все — несколько оставили «в лофт-зоне», для фактуры, застелив поверх сетки хорошими матрасами, чтобы гость ощутил суровость, не ощутив её спиной.

Зал был тот же бывший кинозал, но экран сменили на проектор, кресла — на эргономичные стулья кружком, а провисший потолок подшили. Я расставил людей, проверил кликер, открыл первый слайд. На слайде был орёл. Не тот, конечно, не с листовки — этого нарисовали заново, дороже, в плоском корпоративном стиле, и сидел он не на горной вершине, а на восходящем графике, и смотрел вдаль с тем же выражением только что подписанного контракта. Под ним шла надпись: «ВОИН РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ. Управляемая осознанность для команд».

— Доброе утро, — сказал я. — Меня зовут Олег. Ближайшие пять дней мы с вами будем заниматься простой вещью. Мы будем учиться не таскать на себе лишнее.

И я начал.

Я хочу, чтобы вы поняли: я делал это хорошо. Я двадцать лет продавал свободу всему, что разливается в тару, и тут наконец продавал то, что однажды разлили в меня самого, и потому слова шли легко, ложились ровно, как тот снег снаружи, и группа кивала. Я рассказывал про дезэскалацию приоритетов — так у нас в методичке называлось снижение важности, и слово «дезэскалация» нравилось продавцам, потому что звучало как что-то, чем занимаются взрослые серьёзные люди, а не сектанты в резиновых сапогах.

— Смотрите, — говорил я, и расхаживал перед ними, как ходил когда-то один человек, прихрамывая, только я не хромялся. — Вы привыкли, что всё важно. Сделка важна, отчёт важен, что подумает руководитель — важно. И вот эта важность — она и есть ваш главный пожиратель ресурса. Не задачи вас жгут. Вас жжёт значимость, которую вы к задачам приклеили. Уберите значимость — и задача останется, а пожар погаснет.

Это было чисто. Я знал, что это чисто, потому что сам когда-то это услышал — здесь, в этих стенах, от человека в олимпийке «ДИНАМО», который сидел напротив меня на пыльных матах, дымил «Беломором» и говорил почти теми же словами, только без слова «ресурс». Он говорил: «Завтра будем снижать важность. Это больно только в первый раз». Я говорил: «Это про управление вашей энергией как ключевым активом». Разница была в одном слове, и это слово, если бы я тогда дал себе труд его расслышать, объяснило бы мне про меня всё. Но я не давал. Я был в потоке. Я говорил красиво, и руководительница что-то записывала, а парень в худи уже не спал и смотрел на меня снизу вверх ровно тем взглядом, каким я год назад смотрел на дону Гену, — взглядом человека, который пришёл проверить, не разводят ли его, и начинает подозревать, что, может, в кои-то веки нет.

И этого не заметил. Я думал про тайминг. До обеда оставалось, я прикинул, минут двадцать, а мне ещё надо было успеть упражнение «отпусти один приоритет», и я свернул вступление чуть раньше, чем оно дозрело, — потому что обед был по расписанию, а здесь, в отличие от прошлого года, всё было по расписанию, хотя гостям мы говорили, что время — самый старый и жирный маятник на земле. Эту фразу я тоже унаследовал. Я её произносил с кафедры, и в кармане у меня лежал телефон, по которому я сверял, не пора ли.

К обеду нас позвали — не криком, не маршем из репродуктора, а мягким гонгом из колонок. Столовую переделали в «фуд-корнер», но столы оставили длинные, общие, и в этом я, входя, узнал прошлый год так резко, что на секунду сбился с шага. За одним из таких столов год назад я ел перловку, не понимая, отвратительна она или гениальна, а напротив молчал Слава и не задерживался ни на чём взглядом.

Кормили теперь иначе — буфет, таблички с составом, смузи в брендированных бутылках, на которых вместо бумажки «ЖИВАЯ ВОДА. ЗАРЯЖЕНА НА УСПЕХ» был напечатан логотип и слово «mindful». Но компот остался. Не знаю, чьё это было решение — повариху, я слышал, оставили ту же, молчаливую, что и ягоду собирает сама, — но в углу буфета стояла кастрюля, настоящая, алюминиевая, и рядом гранёные стаканы, те самые, толстые, с шестна-

дцатью гранями, неуместные среди матового стекла, как родственник из деревни на корпоративе.

Я подошёл к компоту последним, когда группа уже расселась. Взял гранёный стакан, поднял половник, и рука сделала то, чего я ей не велел.

Я налил себе по края. Не до половины, не «сколько прилично», а до самого верха, под мениск, так что нести пришлось бы, не дыша, — налил, не считая, не думая, как наливают воду в чайник, который и так перельётся. Я не выбирал этого. Рука знала сама, и в том, как она знала, было чужое движение — не моё, заёмное, привезённое отсюда же год назад вместе с открытым намерением, — и где-то в запястье, под Сониным браслетом, которого там давно не было, потому что я перестал его носить и теперь он лежал в кармане пиджака мёртвым грузом, что-то царапнуло. Тихо. Как ноготь по тому самому грифельному фасаду.

Я поднёс стакан к губам, отпил через край, чтобы не расплескать, поставил, взял поднос и пошёл к группе, где руководительница уже спрашивала, во сколько после обеда следующий блок. Ответил, что в четырнадцать ноль-ноль, и улыбнулся, и царапины уже не было.

Вторник

Кубик во вторник полагался по программе. В методичке он назывался Decision Cube™, через значок, и значок этот я в первый день машинально прочитал вслух как «тэ-эм», а руководительница записала, и я понял, что значок тоже продаётся.

Я раздал их перед вторым блоком — восемь коробочек, каждая в своей мягкой нише из чёрного картона, как яйцо у дорогой птицы. Сам кубик был чёрный, матовый, чуть тяжелее, чем ждешь, с одной гранью под стекло. Он не показывал цифры. Он, как было написано в брошюре, «не навязывал исход» — он вибрировал. Короткий импульс — оставь. Длинный — отпусти. Двойной — «делегируй». Третьего варианта в жизни обычно нет, но Алёна его придумала и взяла за него отдельно. Кубик синкался по блютусу с корпоративным дашбордом, подтягивал твои OKR и, как объясняла встроенная подсказка девичьим голосом, «рандомизировал решение с учётом твоих приоритетов», то есть притворялся, что выбирает он, а на самом деле подсовывал тебе то, что ты и так собирался сделать, только теперь ты был не виноват.

— Это не игрушка, — говорил я, расхаживая. — Это инструмент дезэскалации. Отдайте кубику мелкое — и почувствуете, сколько весило мелкое.

Я знал, откуда это. У меня в кармане пиджака лежал — давно, как браслет, мёртвым грузом — другой кубик, дешёвый, жёлтый, пять рублей из «Детского мира», обкусанный по углам. То есть не лежал: настоящий я год назад отдал Соне, у неё он и был, в коробке из-под печенья вместе с фантиками и одной серьгой неизвестно чьей. А этот, корпоративный, мне выдали как образец, и я носил его, чтобы показывать, и иногда в кармане путал их на ощупь — тот, которого там нет, и этот, который есть, — и каждый раз короткая досада, что есть не тот.

Я велел группе загадать рабочую мелочь и кинуть.

Они кидали по очереди, и кубик жужжал, и они смеялись — тем смехом, каким взрослые смеются, когда им разрешили. Руководительница кинула на «отвечать ли сейчас на письмо» и получила «отпусти», и положила телефон экраном вниз с таким лицом, будто впервые за квартал ей кто-то дал на это право. Продажники кинули наперегонки. Парень в худи — тот, что вчера спал у стекла, а сегодня смотрел на меня снизу вверх, — кинул молча и долго держал кубик в кулаке после вибрации, не разжимал.

А потом кинул человек, которого я до этого не разглядел.

Он сидел с краю, лет пятидесяти, бухгалтер или айтишник, из тех, кого в отделе не помнят по имени, в свитере под горло, и руки у него были спокойные, нерабочие руки человека, который двадцать лет считал чужое. Он спросил тихо, можно ли загадать не рабочее. Я сказал — нельзя, программа корпоративная, — и тут же, поймав себя, сказал: ладно, разок можно. Он кивнул, закрыл глаза, и было видно, что то, что он загадал, он несёт давно и в одиночку, и кубик в его ладони вдруг перестал быть гаджетом и стал тем, чем была когда-то для меня монета на кухонном полу.

Кубик дёрнулся. Длинный импульс. Отпусти.

И человек заплакал. Не картинно — у него просто поехало лицо, как трогается с места тяжёлый состав, медленно и непоправимо, и он отвернулся к окну, к снегу, и плечи у него под горлышком свитера один раз поднялись и опали. Никто не понял, что загадал. Это было неважно. Важно было, что он год назад был мной — мокрым, на платформе, с тремьями тысячами и открытым намерением, — и кубик за пять рублей, переодетый в чёрный матовый корпус за подписку, только что сделал с ним то самое, ради чего всё это вообще когда-то делалось, давно, не нами и не за деньги.

И вот тут я промахнулся.

Я смотрел на его поехавшее лицо — и первым, что я почувствовал, было не сочувствие. Я засёк цифру. Я подумал: вот оно. Вот кейс. Вот тот самый человек, на которого я завтра укажу остальным, чья история разойдётся по отделу, ляжет в отзыв, в кружок «эффективность программы», в слайд для следующего клиента. Я даже прикинул, как это сформулировать в

письме Алёне: «органическое вовлечение, эмоциональный отклик, готовый адвокат продукта». Я смотрел на живого плачущего человека и видел конверсию.

Я это видел не глазами. Глаза-то у меня были мокроватые, как полагается ведущему, который умеет в эмпатию. Видел я чем-то под глазами, изнутри, тем холодным счётным местом, которое включается само, — и место это работало ровно, без зазора, как хорошо смазанная касса.

И я узнал, чем смотрю.

Так смотрела Алёна. В кофейне, через стеклянную стену, поверх кофе, которого я не просил. Она тогда сказала «посмотрите, какой вы — спокойный, не дёргаетесь», и я выпрямил спину и купился, и весь тот разговор она вела этим же взглядом — тёплым снаружи, считающим внутри. Она не злодейка. Она просто всё время видела во мне строчку в отчёте, даже когда наливала в голос мёда. Год назад этот взгляд был наведён на меня. Сейчас я навёл его сам, на чужого плачущего человека, и наводился он легко, привычно, с той же точностью, с какой накануне рука налила компот по края.

Я попробовал сделать то, что умел всю неделю и всю жизнь. Снизить важность. Сказать себе: ну да, профессиональная деформация, у всех, ничего, это пройдёт, отпусти. Я потянулся загасить — и не загасил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.